

Сергей Механик

Красный сигнал на «Заре-7»

Сергей Механик

Красный сигнал на «Заре-7»

«Автор»

2025

Механик С. М.

Красный сигнал на «Заре-7» / С. М. Механик — «Автор», 2025

2142 год. Красный флаг реет над орбитальной станцией «Заря-7» – венцом советской мощи. Но за фасадом ретрофутуристического прогресса скрывается смертельная тайна. Гибель гениального ученого официально признана несчастным случаем. Однако майор особого отдела Волков уверен: это убийство. Расследование приводит его к сверхсекретному проекту «Эхо» – технологии цифрового бессмертия, ставшей опасным оружием. В лабиринтах станции, среди теней ГКБ и призраков в сети, Волкову предстоит раскрыть заговор, угрожающий самому будущему Союза. Цена ошибки – не просто жизнь, а сама реальность. Успеет ли он передать сигнал?

© Механик С. М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог: Холодный Блеск Вакуума	5
Глава 1: Нештатная Ситуация	6
Глава 2: Тени в Сети	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сергей Механик

Красный сигнал на «Заре-7»

Пролог: Холодный Блеск Вакуума

2142 год. Союз Советских Социалистических Республик не только выстоял, но и распространил свое влияние далеко за пределы терраформированной Земли. Красные флаги реяли на пыльных равнинах Марса-Красного, в подводных городах Европы-Океании и на исполинских орбитальных станциях, опоясывающих планету и ее луны. Одной из таких станций была «Заря-7» – монументальное сооружение из титана, керамики и бронестекла, вращающееся на геостационарной орбите. Это был не просто научный аванпост, а целый город в космосе: жилые блоки на тысячи человек, промышленные модули, гравитационные фермы, стыковочные узлы для межпланетных кораблей и, конечно, секретные лаборатории Государственного Комитета Безопасности (ГКБ) и Академии Наук СССР.

Эстетика станции была квинтэссенцией советского ретрофутуризма. Огромные залы с мозаичными панно, изображающими покорителей космоса и триумф коммунизма. Массивные консоли управления с рядами аналоговых индикаторов, тумблеров и светящихся электронно-лучевых трубок, соседствующие с плоскими голографическими дисплеями. По коридорам, отделанным бакелитом и рифленным алюминием, скользили бесшумные роботы-уборщики и сновали люди в функциональных комбинезонах серых и синих тонов. Воздух пах озоном, стерильностью и едва уловимым ароматом синтетической пищи из автостоловых. Все подчинялось строгому распорядку и централизованному планированию. Но даже в этом высокотехнологичном, зарегулированном мире оставалось место для человеческих страстей, ошибок и преступлений.

Глава 1: Нештатная Ситуация

Майор Особого Отдела Милиции (ООМ) Арсений Волков не любил орбитальные станции. Перепады искусственной гравитации вызывали у него тошноту, а замкнутое пространство давило, напоминая о службе на подводных лодках Северного флота десятилетия назад. Но приказ есть приказ. «Нештатная ситуация» в секторе «Гамма», лаборатория биокрибернетики. Смерть научного сотрудника.

Волков, мужчина средних лет с усталыми серыми глазами и жесткой линией подбородка, облаченный в строгую форму ООМ – темно-синий китель с едва заметными вкраплениями армированных волокон, – вышел из гравифлифта. Его встретил начальник службы безопасности станции, капитан первого ранга ГКБ Игорь Лазарев – высокий, подтянутый мужчина с холодным взглядом и безупречной выправкой.

«Товарищ майор», – кивнул Лазарев, его голос был ровным, почти механическим. – «Идемте».

Они прошли по стерильно чистому коридору к гермодвери с надписью «Лаборатория №12. Кибернетическая Адаптация». Внутри царил контролируемый хаос. Медицинские дроиды уже убрали тело, но на полу виднелся силуэт, очерченный световым маркером. Воздух был тяжелым от запаха горелой изоляции и чего-то еще, незнакомого и неприятного.

«Доктор Алексей Рябинин, 45 лет, ведущий специалист по нейроинтерфейсам», – доложил Лазарев, указывая на пустой лабораторный стол, заваленный схемами, инструментами и разобранным кибернетическим имплантом, похожим на сложный металлический обруч с множеством тонких проводков. – «Обнаружен сегодня утром дежурным техником. Предварительная причина смерти – обширный электрический разряд при работе с экспериментальным оборудованием».

Волков подошел ближе. Оборудование выглядело внушительно: массивный генератор поля, стойки с осциллографами и анализаторами спектра, подключенные толстыми кабелями к креслу, похожему на зубоорачебное, но с дополнительными фиксаторами и сложной системой датчиков на подголовнике. Один из кабелей питания был обуглен у разъема.

«Несчастный случай?» – спросил Волков, хотя интуиция уже подсказывала иное. Слишком аккуратно для несчастного случая.

«Так считает предварительная комиссия станции», – подтвердил Лазарев. – «Но учитывая специфику исследований Рябинина и... некоторые сопутствующие обстоятельства, Центральное Управление ООМ решило направить вас».

«Сопутствующие обстоятельства?» – Волков поднял бровь.

«Рябинин работал над проектом «Эхо». Глубокое сканирование и архивация нейронных паттернов. По сути, создание цифровых копий сознания. Проект под грифом «Особой Важности». Кроме того, пару недель назад он подавал рапорт о странных аномалиях в работе оборудования и попытках несанкционированного доступа к его данным».

«И что предприняла ваша служба безопасности?»

Лазарев слегка пожал плечами. «Провели проверку. Следов взлома не обнаружили. Списали на паранойю ученого и перегрузку сети. Знаете, эти гении... часто видят заговоры там, где их нет».

Волков промолчал, осматривая лабораторию. Его взгляд зацепился за небольшой предмет на полу у ножки стола, частично скрытый кабелем. Он наклонился и осторожно поднял его пинцетом из своего следственного набора. Это был крошечный кристалл данных, не стандартного армейского или научного образца. Грани переливались тусклым светом.

«Это что?» – спросил он Лазарева.

Капитан ГKB прищурился. «Не похоже на наши носители. Возможно, личная вещь Рябина».

«Возможно», – Волков аккуратно упаковал кристалл в контейнер. – «Мне нужен полный доступ к личным файлам Рябина, его переписке, графикам работы, списку контактов. А также записи с камер наблюдения в этом секторе за последние 48 часов».

Лазарев помедлил. «Доступ к файлам проекта «Эхо» ограничен. Даже для ООМ».

«Меня интересует не сам проект, товарищ капитан, а все, что может пролить свет на смерть доктора Рябина. Если это был несчастный случай, мы быстро это подтвердим и закроем дело. Если нет... то гриф «Особой Важности» не должен мешать правосудию. Не так ли?»

Взгляд Лазарева оставался холодным, но он кивнул. «Хорошо, майор. Вы получите необходимое содействие. Мой помощник, лейтенант Соколов, будет в вашем распоряжении».

Волков знал, что «содействие» от ГKB часто означало и «наблюдение». Но выбора не было. Он начал осмотр места происшествия, методично фиксируя каждую деталь, каждый провод, каждую царапину на металле. Что-то в этой стерильной лаборатории смерти было фундаментально неправильно.

Глава 2: Тени в Сети

Рабочий кабинет Волкову выделили небольшой, спартанский, с видом на бесконечную черноту космоса, испещренную далекими звездами и огнями Земли. Стандартный терминал «Искра-2100» с массивным ЭЛТ-монитором и гудящим системным блоком занимал большую часть стола. Волков подключил найденный кристалл к специальному адаптеру. Система долго распознавала устройство, затем выдала сообщение: «НЕСТАНДАРТНЫЙ ФОРМАТ. ТРЕБУЕТСЯ КЛЮЧ ДЕШИФРОВАНИЯ».

«Лейтенант Соколов», – вызвал Волков по внутренней связи. Молодой офицер ГКБ явился почти мгновенно, словно ждал за дверью. «Мне нужен специалист по нестандартным носителям информации и криптографии».

«У нас есть такие, товарищ майор. Отдел «Сигма». Но доступ к их ресурсам...»

«Организуите, лейтенант. Смерть ведущего ученого по сверхсекретному проекту – достаточное основание».

Пока Соколов улаживал бюрократические формальности, Волков погрузился в личные файлы Рябина. Сухая биография, научные публикации, рабочая переписка – в основном рутинные отчеты и запросы. Но в зашифрованной личной папке нашлось кое-что интереснее. Несколько аудиодневников. Голос Рябина звучал устало и встревоженно.

Запись 07.04.2142: «Снова аномалии. Данные сканирования искажаются на финальном этапе архивации. Проверил все калибровки, оборудование в норме. Похоже на внешнее вмешательство, но логи чистые. Лазарев считает, что я переутомился. Возможно... но это чувство... будто кто-то наблюдает».

Запись 15.04.2142: «Пытался получить доступ к ранним архивам «Эха». Доступ заблокирован. Даже для меня, руководителя направления! Говорят, «технический сбой». Ложь. Кто-то не хочет, чтобы я копался в старых данных. Но почему? Что они там прячут?»

Запись 21.04.2142: «Кажется, я понял. Дело не в искажении данных. Дело в подмене. Кто-то использует «Эхо» не для архивации... а для модификации. Создания ложных воспоминаний? Или... чего-то худшего? Нужно найти доказательства. Я сделал копию... спрятал ее. Если со мной что-то случится... Ключ у «Веги».

Последняя запись обрывалась. «Вега»? Что это? Пароль? Человек? Волков сделал пометку.

Вернулся Соколов. «Специалист из «Сигмы» будет через час. Зовут его Кира Бельская. Говорят, лучшая в своем деле».

Кира Бельская оказалась молодой женщиной лет тридцати, с короткими темными волосами, умными, пронзительными глазами и пальцами, которые порхали над сенсорной клавиатурой с невероятной скоростью. Она была одета в гражданское – простую тунику и брюки, что выделяло ее на фоне людей в форме.

«Майор Волков», – представился он.

«Кира», – коротко ответила она, ее взгляд уже был прикован к терминалу. – «Давайте ваш артефакт».

Она подключила кристалл к своему портативному анализатору – устройству, больше похожему на замысловатую шкатулку с множеством разъемов и голографическим проектором. Несколько минут она работала молча, на миниатюрном экране анализатора мелькали строки кода и диаграммы.

«Интересно», – пробормотала она. – «Самодельный носитель на основе органических полимеров. Очень высокая плотность записи. Шифрование многослойное, адаптивное. Похоже на... старые коды ГРУ времен «Холодной Войны 2.0», но сильно модифицированные».

«Сможете вскрыть?»

«Дайте мне время. И хороший кофеин-стимулятор». Кира улыбнулась уголком рта. – «И доступ к вычислительным мощностям «Сигмы», удаленный».

Соколов снова взялся за организационные вопросы. Волков продолжил изучать материалы дела. Записи с камер наблюдения не дали ничего существенного. В коридоре перед лабораторией Рябинина в предполагаемое время смерти не было никого подозрительного. Только плановые обходы техников и роботов. Однако Волков заметил короткий сбой изображения – помехи длительностью около трех секунд – примерно за час до предполагаемого времени смерти Рябинина. В официальном отчете это было отмечено как «кратковременные помехи в энергосети сектора». Слишком удобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.